

Н. П. КОПАНЕВА

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ: «к приумножению пользы и славы Отечества»

*«Науки благороднейшими человеческими упражнениями
справедливо почитаются и не терпят порабощения»
М. В. Ломоносов*

В нынешнем году исполняется триста лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова – первого российского академика, имя которого пользуется поистине всенародной известностью. Тем не менее далеко не все знают о громадной деятельности Ломоносова, направленной на исправление «худого состояния» Академии наук – «сего великого государственного и полезного учреждения», причину которого ученый видел в отступлении от основных принципов, заложенных Петром I, а также в самовластии бюрократического аппарата

Еще в XIX в. В. Г. Белинский писал, что «для достойной оценки такого человека, каков был Ломоносов», нужно «много сведений, опытности, труда и времени» (Белинский, 1953, с. 43). Столетие спустя академик С. И. Вавилов сожалел, что «подлинная фигура Ломоносова не ясна до сих пор», а литературовед П. Н. Берков писал, что Ломоносова мы знаем «мало и плохо» (Берков, 1962, с. 14). И даже сейчас, несмотря на обилие всевозможных трудов о жизни и деятельности Михаила Васильевича Ломоносова, число которых растет с каждым очередным юбилеем нашего великого соотечественника, можем ли мы уверенно утверждать, что хорошо

КОПАНЕВА Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). Научный руководитель и сокоординатор международных программ «Петр Великий и Голландия», «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук», «Николаас Витсен. „Северная и Восточная Тартария“»

◀ Портрет М. В. Ломоносова.
Худ. Л. С. Миропольский. 1787 г.
Масло, холст. МАЭ РАН

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Российская академия наук, история российской науки, Музей М. В. Ломоносова.
Key words: M. V. Lomonosov, Russian Academy of Sciences, history of the Russian science, M. V. Lomonosov museum

Вид берегов Невы вниз по течению от Зимнего дворца и Академии Наук. Автор рисунка Л. Леспинасс, гравер К. Фессар. Вторая половина XVIII в.
Гравюра резцом. МАЭ РАН

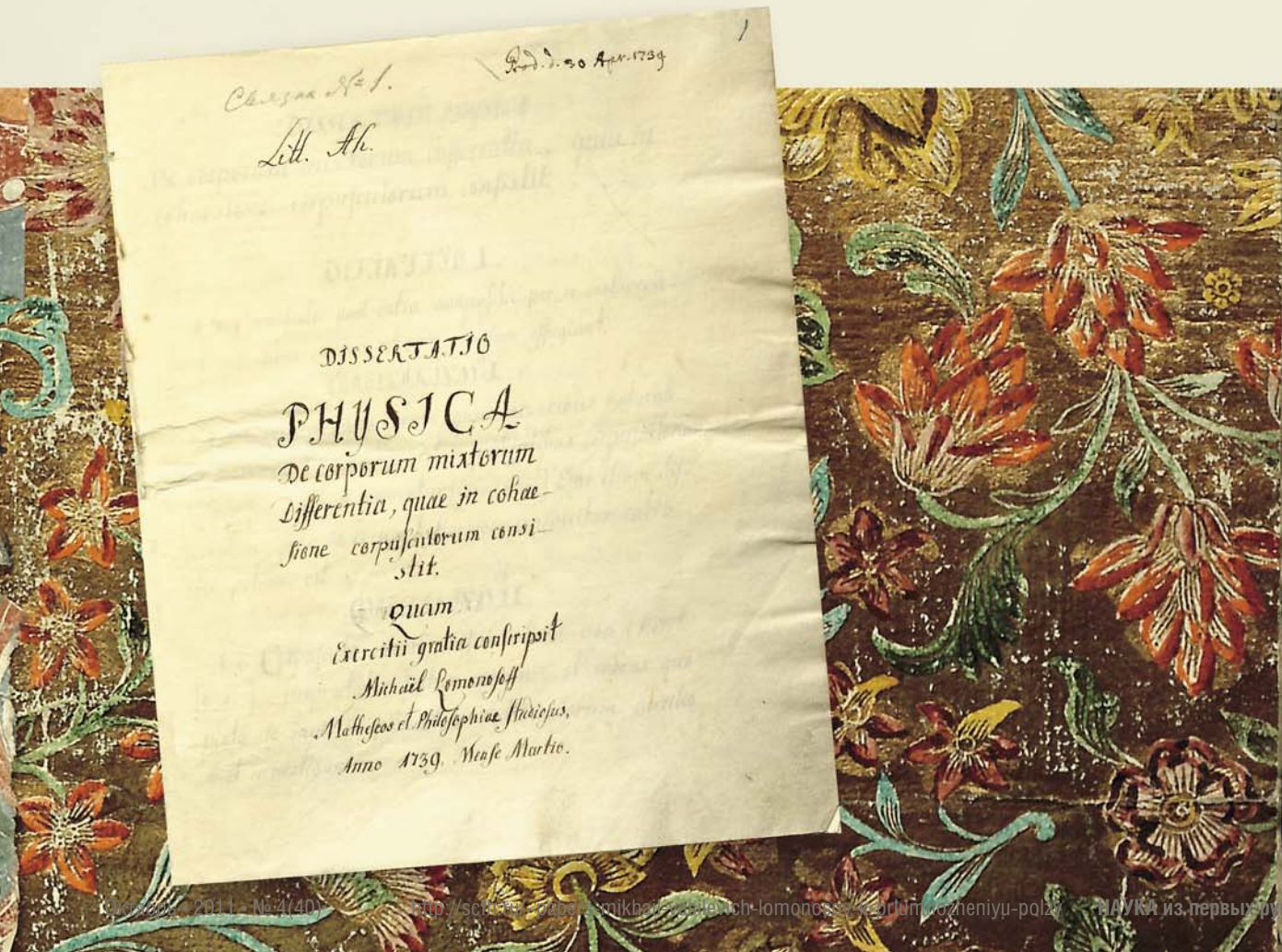
знаем о его вкладе в науку XVIII в., понимаем его литературное творчество, не говоря уже о сути его характера и мотивации поступков? Знакомый всем по портрету из школьных учебников круглолицый человек, сидящий к нам вполоборота, для многих из нас так и остается не живой личностью, а набором клише.

По словам того же Белинского, Ломоносов был «Петром Великим нашей литературы». Но он был и «Петром Великим» нашей Академии наук. Вряд ли в ее истории можно найти более горячего и последовательного сподвижника Петра, чем Ломоносов. Именно как «государственное и полезное учреждение» рассматривал Ломоносов Академию наук, которая не «только сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оных и распространять по всему государству» (Ломоносов, т. 10, с. 15).

Высокая гражданская позиция не позволяла Ломоносову спокойно сидеть в лаборатории и готовить длинные ряды цифр. Он бросался туда, где видел ущемление государственных интересов России, пренебрежительное отношение к ее истории, ее будущему, стремление принизить образ России в общественном мнении. Ломоносов – труженик на государственной ниве, но именно там, куда его привела судьба, – в науке.

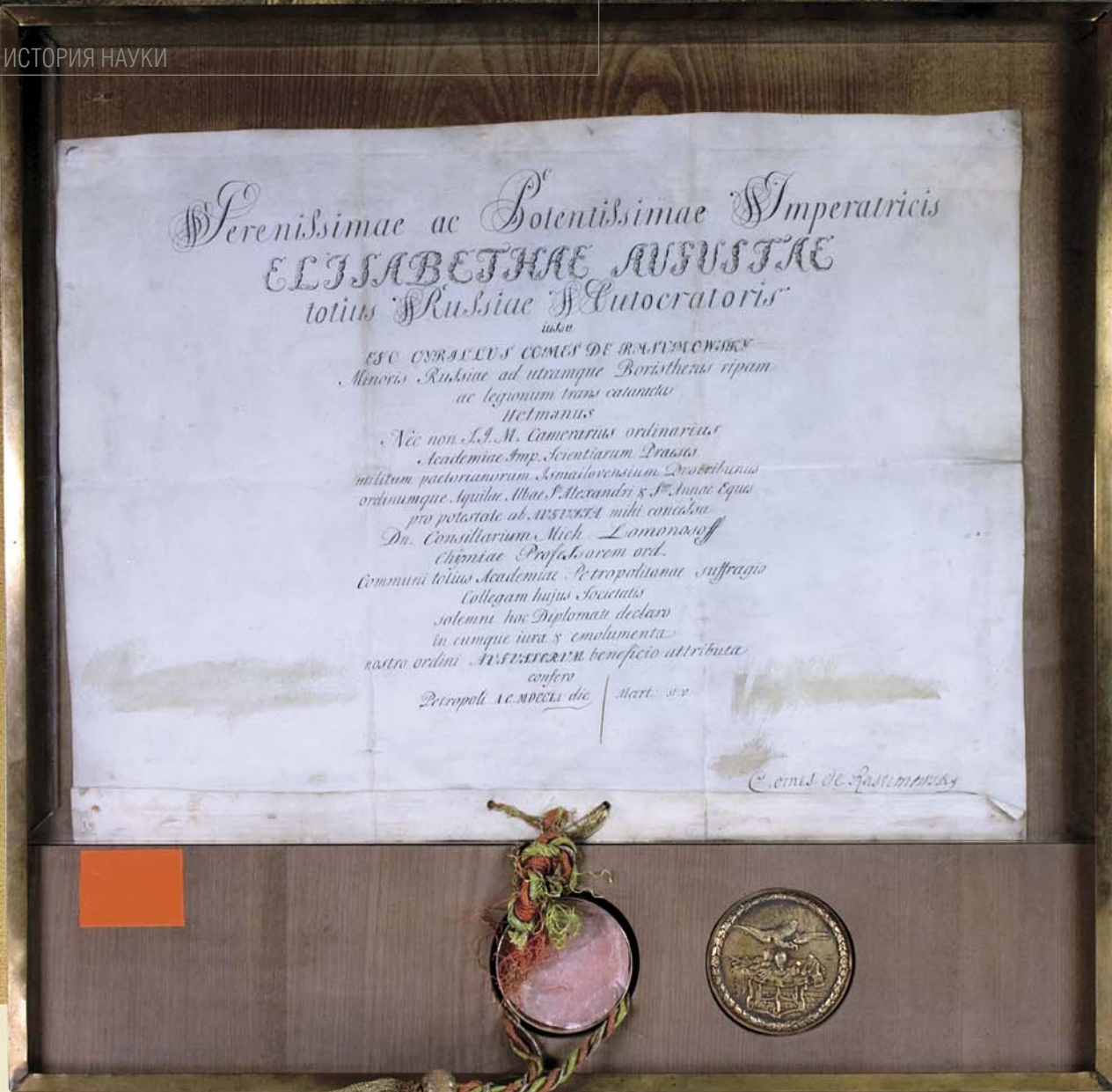
Развитие и распространение российской науки – вот то, ради чего ученый, оставляя тишину лаборатории, борется с чиновниками, составляет многочисленные проекты преобразования Академии, даже подвергает себя унижениям вечного просителя перед сильными мира сего. Как тут не вспомнить стихотворение 1761 г., написанное Ломоносовым, когда он ехал к императрице с очередным прошением: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!.. Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен, Что видишь, все твое; везде в своем дому, Не просишь ни о чем, не должен никому».

В 1739 г. из Марбурга в Академию наук в качестве образца «работ по наукам» была послана «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул, которую для упражнения написал Михайло Ломоносов, студент математики и философии в 1739 г. в марте месяце». На фото – обложка и титульный лист студенческой работы М. В. Ломоносова. На лат. яз. Автограф. С канцелярскими пометами. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 3, д. 42, л. 1)

Мозаичный портрет основателя Академии наук Петра I работы М. В. Ломоносова. Ломоносовская мозаичная мастерская, с. Усть-Рудица (Санкт-Петербургская губ.). 1755—1757. Смальта, мозаика. МАЭ РАН

Осенью 1737 г. Хр. Вольф отправил президенту Академии наук барону И. А. Корфу письмо о том, что Ломоносов, Виноградов и Райзер обучились у него арифметике, геометрии и тригонометрии, слушают курс механики. После этого они познакомятся с гидростатикой, аэрометрией, гидравликой и основаниями маркшейдерского искусства, а зимой будут слушать экспериментальную физику. Ломоносов уже хорошо говорит по-немецки и занимается рисованием, которое «пригодится в механике и естественной истории». В этом же письме Вольф просит Корфа ускорить решение вопроса об изучении студентами естественной истории. 15 сентября 1737 г. Из Марбурга. На нем. яз. Автограф. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 5, д. 123, л. 1—2)

Студент-адьюнкт-профессор

Ломоносов, как известно, прибыл в Петербургскую Академию наук из Славяно-греко-латинской академии в самом начале 1736 г., а уже в ноябре вместе с Г. У. Райзером и Д. И. Виноградовым был в Марбурге, где проходил обучение у выдающегося философа и ученого-энциклопедиста Хр. Вольфа.

В июне 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург, но только через год Академия определила, что «быть ему, Ломоносову, адьюнктом физического класса. А жалованья определяется ему сего 1742 года января с 1 числа по 360 рублей на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи, о чем заготовить определение, а к комиссару указ» (СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 452, л. 22).

С 1 сентября 1742 г. адьюнкт физического класса Ломоносов начал читать лекции для академических

Диплом, выданный М. В. Ломоносову Академией наук на звание профессора химии. Подпись – автограф К. Г. Разумовского. 1751 г., март. Пергамен, печать Академии наук и серебряный вызолоченный ковчег с аллегорическими рельефными изображениями, в котором заключалась печать. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 2., д. 6)

студентов и всех желающих. В программе лекций было записано, что Михайло Ломоносов «руководство к географии физической, чрез господина Крафта сочиненное, публично толковать будет, а приватно охотникам наставление давать намерен в химии и истории натуральной о минералах; також обучать в стихотворстве и штиле российского языка после полудни с 3 до 4 часов» (Материалы для истории Академии наук, с. 307–311).

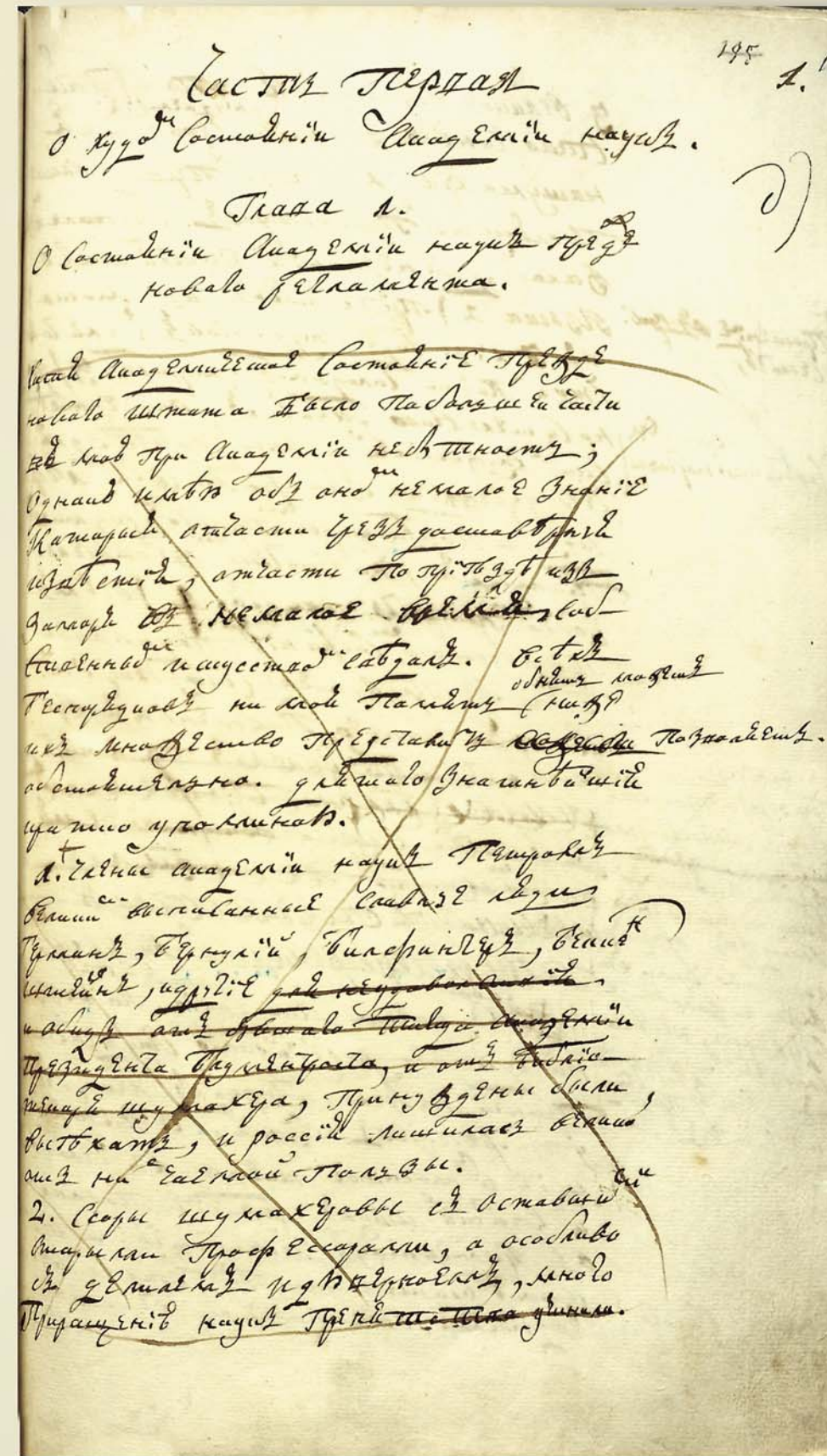
Звание профессора по кафедре химии было присвоено Ломоносову только в июне 1745 г. К этому времени он уже вполне уяснил механизм действия Академии наук: академические дела быстро не рассматриваются, поскольку советник Канцелярии И. Д. Шумахер занят «многими и более важными делами». Видел Ломоносов и общую обстановку в Академии, где происходили распри между академиками, подстрекаемыми Шумахером и его приспешниками, между Конференцией и Канцелярией.

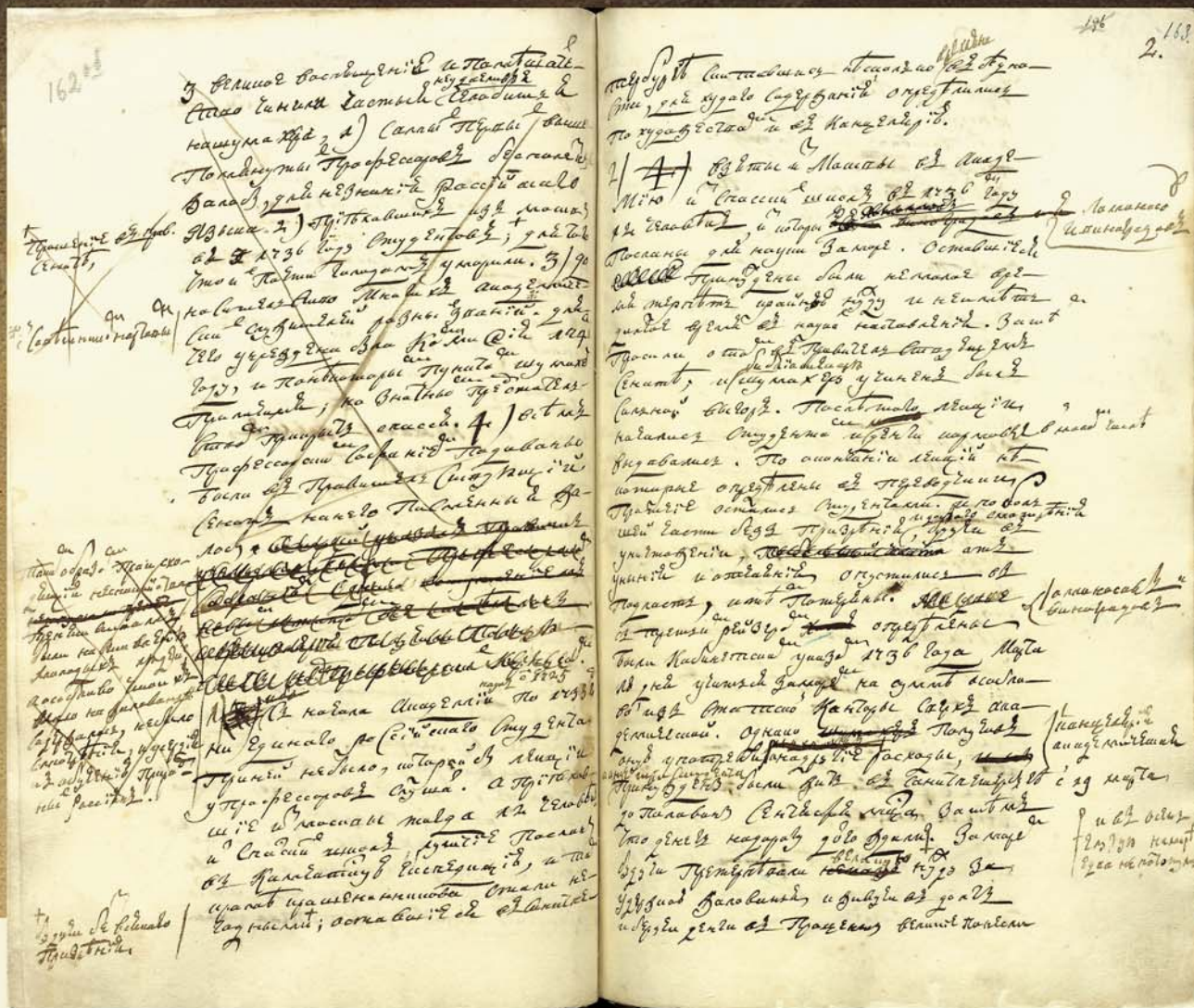
В декабре 1745 г. профессор химии набрасывает «список наук в Академии с распределением на три класса». Это первый из документов, свидетельствующих об интересе Ломоносова к организации деятельности Академии наук. В 1747 г. был принят Регламент Императорской Академии наук и художеств. В летописи жизни и деятельности Ломоносова, относящейся к этому времени, нет никаких упоминаний о новом академическом регламенте. Но это не значит, что вопрос об уставе Академии не волновал ученого.

«О худом состоянии Академии наук»

Регламент, разработанный в основном Г. Н. Тепловым и утвержденный императрицей Елизаветой Петровной, Ломоносова не устраивал. В январе–феврале 1755 г. он пишет «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук», где излагает недостатки принятого

Первая часть заметок М. В. Ломоносова о необходимости преобразования Академии наук (1758—1759) имела красноречивое название «О худом состоянии Академии Наук». Черновой автограф. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 160—182)

Ботаническом саде, т. е. обо всех учреждениях, входивших в состав Академии наук.

Во всех этих сугубо официальных, канцелярских документах ясно слышится голос человека, душа которого болит за Отечество. После чтения «Краткой истории о поведении Академической Канцелярии» совсем по-другому воспринимаются стихи известного 143-го псалма в переводе Ломоносова (СПФ АРАН, ф. 20, оп. 3, д. 45, л. 8–9 об.):

Вещает лож язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою,
Скрывают в сердце злобный ков.
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

«О худом состоянии Академии наук» – первая часть заметки М. В. Ломоносова о необходимости преобразования Академии наук. Черновой автограф. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 160–182)

«Пренебрежение учения российского юношества»

«Худое» состояние академического корпуса ученые видели в отступлении от основных принципов, заложенных Петром I, а также в самовластии Канцелярии над учеными. При этом властолюбие и интриги советника Канцелярии И. Д. Шумахера, его нежелание считаться с Академическим собранием были, по мнению Ломоносова, основным препятствием для нормального существования Академии и распространения ею просвещения в России.

«Особенно позорно то, – писал Ломоносов, – что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения» (СПФ АРАН, ф. 20, оп. 1, д. 2, с. 120). Другая ситуация была в европейских академиях, где «собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом» (там же, с. 121).

Среди отечественных исследователей бытует мнение, что такое поведение Ломоносова было вызвано

его полным неприятием как иностранных ученых, так и иностранцев вообще. Однако это предположение не выдерживает никакой критики.

Ломоносов как продолжатель петровского дела не был против иностранцев. В его «Слове похвальном... Петру Великому» есть знаменательные слова: «К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, что бы всякого рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников

Кабинет ученого в экспозиции Музея М. В. Ломоносова в МАЭ РАН (Санкт-Петербург)

Часть 2-я

Отписка к Императору Академии наук.

Глава первая

Отписка к Императору Академии наук.

Гордая Прудина худого Амазели...
Амазели и Прудина худого Амазели...
Итак же и Прудина худого Амазели...

Когда Прудина худого Амазели...
Россия Прудина худого Амазели...
Заданная Прудина худого Амазели...

и ремесленников размножить <...> не однократно об-
летаая на подобие Орла быстропарящего Европейския
государства, отчасти повелением, отчасти важным
своим примером побудил великое множество своих
подданных оставить на время отечество и искусством
увериться, коль великая происходит польза человеку
и целому государству от любопытного путешествия по
чужим краям. Тогда отворились широкия врата великия
России (выделено мной - Н.К.), тогда через границы и
пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном
Океане бывающаго, то выежающие для приобретения
знаний в разных науках и художествах сыны Россий-
ские, то приходящие с разными искусствами, с книгами,
с инструментами иностранные безпрестанным текли
движением» (Ломоносов, т. 8, с. 591).

Здесь вспоминаются известные слова Пушкина об
окне, которое Петр прорубил в Европу. Но у Ломоно-
сова не «окно», а целые «врата» Россия распахнула
для умелых, знающих и ученых иностранцев и для
россиян, желающих знания и умения получить в других
странах! Не столько «национальная» гордость Ломоно-
сова, сколько противодействие воле Петра Великого
со стороны тех, кто в Академии наук заправлял всеми
делами, заставляло ученого бросаться в бой, порой, в
буквальном смысле слова.

В «Краткой истории о поведении академической
Канцелярии» он с горечью пишет об отъезде из России
первых петербургских академиков «Германа, Бернулиев
и других, во всей Европе славных, кои только великим
именем Петровым подвиглись выехать в Россию для
просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены,
отъехали, утирая слезы» (Ломоносов, т. 10, с. 311).

И не только Ломоносов возмущался действиями ру-
ководителя академической Канцелярии, а фактически
правителя Академии Шумахера. Французский астро-
ном и картограф Ж.-Н. Делиль, работавший в Петер-
бурге с 1726 г., неоднократно писал жалобы «о великих
непорядках, напрасных убытках и о пренебрежении
учения российского юношества», чем нарушался спе-
циальный пункт контракта с учеными, разработанный
еще Петром. Претензии Ломоносова к Шумахеру
сводились не к тому, что тот иностранец, а к тому, что
своими действиями и бездействием препятствовал
появлению российских ученых, не развивая гимназию
и университет, ущемляя права академиков, раздувая
между ними ссоры и интриги, чем сводил на нет их

авторитет в обществе. Все это приводило к тому, что
наука перестала считаться престижным делом и детей
старались отдавать для обучения в шляхетный корпус, а
не в академическую гимназию. Талантливых студентов
и адъюнктов из россиян Шумахер загружал работой как
переводчиков, не допуская «к высоким наукам».

«Жалованье и другие расходы
из казны тратятся напрасно»

В штате Академического собрания, отмечал Ломо-
носов, не хватает нужных профессоров – нет «высшего
математика», географа, физика, ботаника, механика.
В Академии числилось 9 адъюнктов, но из них пять
обучались за границей, другие не знают и оснований
«высоких наук».

Публичные акты по Регламенту 1747 г. положено
было проводить трижды в год, но «бывает только по од-
ному», – продолжал Ломоносов. В тяжелом состоянии
и другие академические департаменты: «Библиотека
и Кунсткамера имеет расположение столь же худо,
как и прежде». Причем их положение, как и состояние
Физического кабинета, Обсерватории и Ботаническо-
го сада, становилось с годами только хуже. В 1763 г.
«по должности» как член Канцелярии и «по совести»
Ломоносов писал «о весьма худом состоянии самых
нужнейших академических департаментов», которые
«лежат бесполезны, в плачевном состоянии», а «жало-
ванье и другие расходы из казны тратятся напрасно»
(СПФ АРАН, ф. 20, оп. 1, д. 2, л. 176–177 об.). Симво-
лами запустения Обсерватории в описании Ломоносова
становятся ее астрономические часы, которые «вместо
исправного и бесперерывного ходу, иногда стоят по
нескольку недель без всякого движения», и занесенное
снегом крыльцо.

Вызывали вопросы и финансовые дела Академии,
находящиеся в плачевном состоянии, когда «старых
долгов не токмо многие тысячи не заплачены, но и
вновь беспрестанно прирастают, а особливо неплачение
обещанного награждения чужестранным членам, что
именным е. в. указом особливо повелено было» (там же,
с. 13). В Академию принимались сверх штата худож-
ники и другие служители, «к определенным делам
неспособные или совсем негодные». В деньгах – «все-
гдашняя нужда такая, что и профессора вынуждены
были брать жалованье книгами, «отчего пришли в
убытки и в бедность».

«Все сие рассудив, – обобщает Ломоносов, – ясно ви-
деть можно, коль близко стояла Академия при конечном
своем разрушении, которое вместо славы российской
к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо радо-
сти любящим науки к печали служило» (Ломоносов,
т. 10, с. 62).

◀ Первая глава второй части заметки о необходимости
преобразования Академии наук имеет название
«О причинах худого состояния Академии прежде
нового стага». Черновой автограф. СПФ АРАН
(ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 160–182)

Васильевъ сынъ

Краткая автобиография и Труды Михаилъ Ломоносова.

1) 1754 года 25 Февраля по указу Императорскому
 Канцелярии Академии наукъ и по распоряжению
 Канцелярии Академии наукъ Канцелярия
 Академии наукъ 25 Февраля 1754 года

2) Труды по анатомии по распоряжению
 Канцелярии, по распоряжению Канцелярии
 Сената и по Указу Императорскому
 1755 года 25 Февраля

3) Труды по анатомии по распоряжению
 Канцелярии, по распоряжению Канцелярии
 Сената и по Указу Императорскому
 1755 года 25 Февраля

4) Труды по анатомии по распоряжению
 Канцелярии, по распоряжению Канцелярии
 Сената и по Указу Императорскому
 1755 года 25 Февраля

№ 101. Автобиография профессора сына Васильева сына
 1754 года 25 февраля.

В экспозиции Музея
 М. В. Ломоносова
 представлены
 образцы смальт,
 изготовленных
 на Ломоносовской
 фабрике
 в Усть-Рудице.
 В 1757 г. Михаил
 Васильевич передал
 на хранение
 в Кунсткамеру
 два ящика
 этих «чудесных
 стекол-самоцветов».
 Музей
 М. В. Ломоносова
 в МАЭ РАН

«Оного упадку и недостатков происхождение и причины»

Недостатки в деятельности Академии наук Ломоносов видел в отсутствии законом установленных адекватных принципов и правил, по которым должна жить Академия и ее департаменты.
 Регламент 1747 г. составлялся без участия профессоров, втайне, что по мнению Ломоносова послужило причиной целого ряда его недостатков. Этот академический закон составлялся «взирая на персоны и обстоятельства тогдашнего времени». Таким образом он просто зафиксировал то состояние, в котором находилась Академия наук, а следовательно, «во все будущие времена служить не может». По мнению Ломоносова, такой академический департамент, как Канцелярия, вообще не нужен: «В других государствах отнюдь их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению

профессорского достоинства» (СПФ АРАН, ф. 20, оп. 1, д. 2, с. 16).
 Продолжая свою мысль о том, что Регламент был составлен под определенных персон, Ломоносов переходит на стиль иронического повествования: «Ректором университета должен быть по Регламенту историограф, то есть профессор Миллер», «и если бы Миллер был юрист или стихотворец, то конечно и в штате ректором был бы положен юрист или стихотворец. После перемены и сделан ботаник». Историографу положен помощник, «переводчик китайского и манжурского языка, то есть переводчик Россохин. Но если бы он знал вместо китайского и манжурского языка, н[а]п[р]имер, персидский и татарский, то бы конечно положен был в штате переводчик персидского и татарского языков» (там же, с. 17).

1751 года 25 Февраля по указу Императорскому
 Канцелярии Академии наукъ и по распоряжению
 Канцелярии Академии наукъ Канцелярия
 Академии наукъ 25 Февраля 1751 года

2) Труды по анатомии по распоряжению
 Канцелярии, по распоряжению Канцелярии
 Сената и по Указу Императорскому
 1755 года 25 Февраля

3) Труды по анатомии по распоряжению
 Канцелярии, по распоряжению Канцелярии
 Сената и по Указу Императорскому
 1755 года 25 Февраля

Краткая автобиография,
 представленная М. В. Ломоносовым
 по запросу Канцелярии
 Академии наук о своем возрасте
 и прохождении службы.
 1754, после 25 февраля.
 Черновой автограф. СПФ АРАН
 (ф. 20, оп. 3, д. 14, л. 1—2 об.)

Значительное место в экспозиции Музея М.В. Ломоносова отведено научным инструментам XVII—XVIII вв. Среди них есть редкие экспонаты, например единственное в стране зажигательное стекло немецкого математика, философа и физика Эренфрида Вальтера фон Чирнгаузена (1651—1708), использовавшееся для получения высоких температур. Оно было приобретено Академией наук в первой половине XVIII в. для Физического кабинета. Использовал его в своих опытах и Ломоносов, который писал: «Господин фон Чирнгаузен чинил опыты великими зажигательными зеркалами и стеклами <...> От жару сих зеркал и стекло твердое и водой намоченное дерево тотчас пламенем занялось, вода в небольшом сосуде кипела, металлы растопились, кирпичи, морская пенка (камень), голландский фарфор, камень асбест в стекло плавилась. Сера, колофония, смола и другие сим подобные материи под водою растопились, дерево несколько раз в воде будучи, в уголь перетлело. Пепел, оставшийся от сгоревших дров и от других израстающих вещей, в стекло обратился, дорогие камни свой цвет потеряли и проч.» (Ломоносов, т. 1, с. 472—473)

Слева — основная линза зажигательного инструмента работы Э.В. Чирнгаузена. Изготовлена в 1699 г. Диаметр — 57,5 см, толщина в центре — 5,2 см. В Музей поступила в 1947 г. из Физического института АН СССР.
Вверху — шкаф с научными инструментами. Музей М.В. Ломоносова в МАЭ РАН

«Экваториальные солнечные часы» талантливого русского мастера Н.Г. Чижова. Середина XVIII в., Санкт-Петербург. Латунь, позолота, серебрение. Музей М.В. Ломоносова в МАЭ РАН

Тот же принцип использовался и при определении жалованья сотрудников Академии. Хотя «каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство знания и неравенство», то «должно всем положить в штате равное жалованье». Но в Академии жалованье установлено «не по достоинству и трудности самой науки, но по обстоятельству особ, которые тогда оные профессии имели»: «алгебраисту положено жалованье 1800 рублей для Ейлера или Бернуллия, астроному — 1200, чтоб славного человека приласкать в Россию, анатому — 1000 рублей для Бургава, прочим — по 860 и по 660 рублев. Однако если бы Ейлер (или Бернулий) был таков химик, каков он математик, то без сомнения было бы химику положено жалованья в штате 1800 рублев» (там же).

Нет в штате Академии и профессора ориенталиста, хотя в «европейских государствах, которые... меньшее сообщение с азиатическими народами имеют, нежели мы, но в академическом штате о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно» (там же, с. 50).

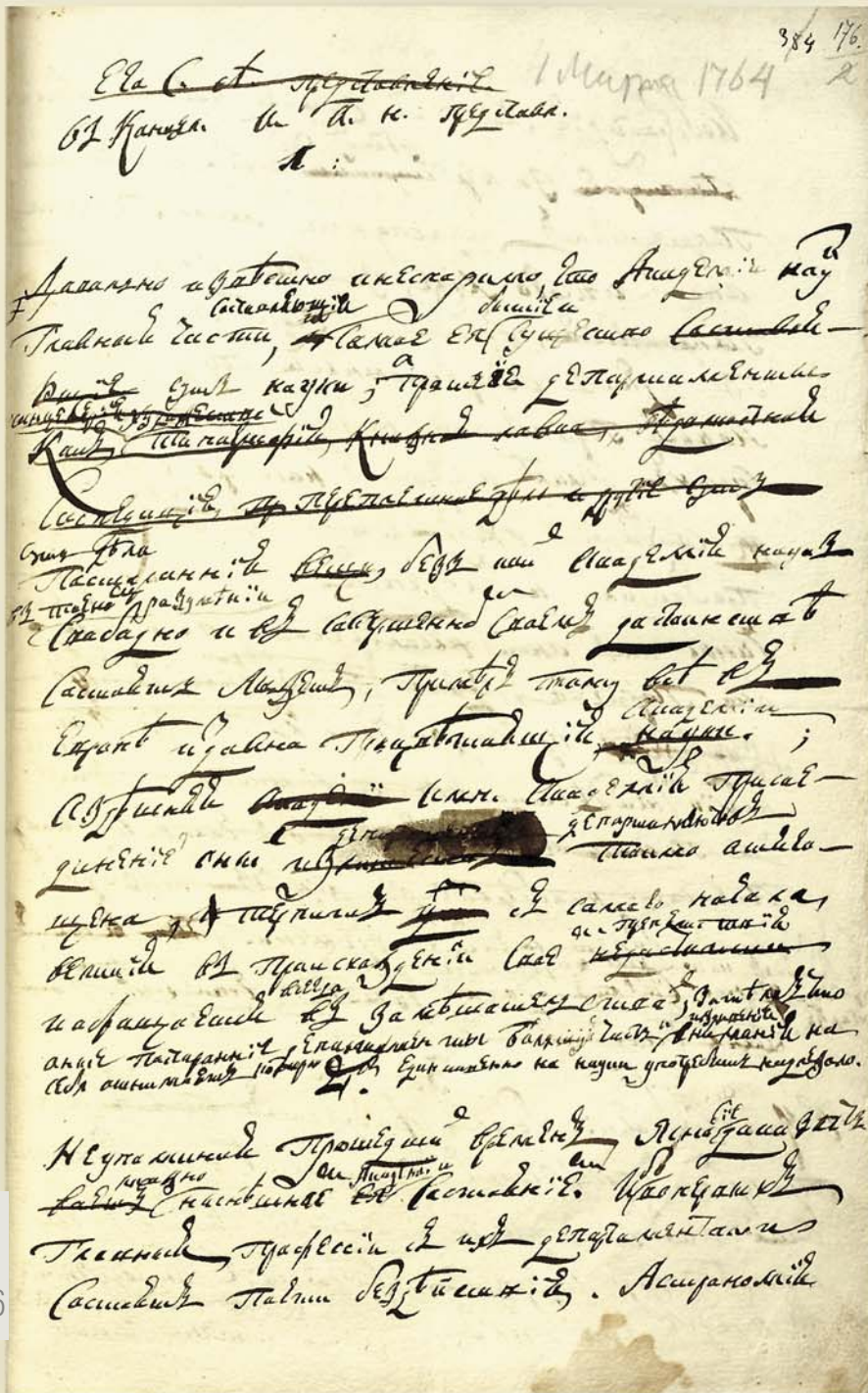
«Слеп физик без математики, сухорук без химии»

Вызывали у Ломоносова критику и положения Регламента о профессорах. Прежде всего, по его мнению, необходимо заботиться о создании высокого статуса академика в Табели о рангах. Это позволило бы не только по достоинству оценивать академиков, но и привлекать к ученой деятельности молодых людей. Зафиксированное же Регламентом положение ведет «к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне большие записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана, да и то с трудом» (там же, с. 19—20).

Вызывало недоумение и ограничение академику «упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться» (там же, с. 20). Запрещение академиком в другие науки вступать кроме своей профессии приводит и к тому, что чрез него «пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механика и физика совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее. Того ради, советуя друг с другом, всегда должны будут иметь дружеское согласие <...> Вольность и союз наук необходимо требуют взаимного сообщения и беззавистного позволения в том, что кто знает упражняться. Слеп физик без математики, сухорук без химии» (там же, с. 49).

Но всего «вредительнее» и «поносительнее российскому народу», что в Регламенте 1747 г., который напечатан и на других языках, неоднократно писалось о постоянном приглашении в Россию иностранных профессоров «и тем дал повод рассуждать о нас в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях <...> Что иное подумать можно, читая в регламенте о выписании высшего математика и других профессоров, о бытии адъюнктов переводчиками у иностранных профессоров, о переводе книг профессорских, о контрактах с иностранными профессорами, о иностранных канцеляристах и провизоре типографском (смотри 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель стага). Что можно подумать как сие, что Санктпетербургская Академия Наук ныне и впредь должна состоять по большей части из иностранных, то есть что природные россияне к тому неспособны» (там же, с. 52—53).

Мешают работе Академии наук, по мнению Ломоносова, и «излишества», из-за которых Канцелярия не находит времени думать о науках. Академия занималась излишними для нее «мастерствами»: изготовлением

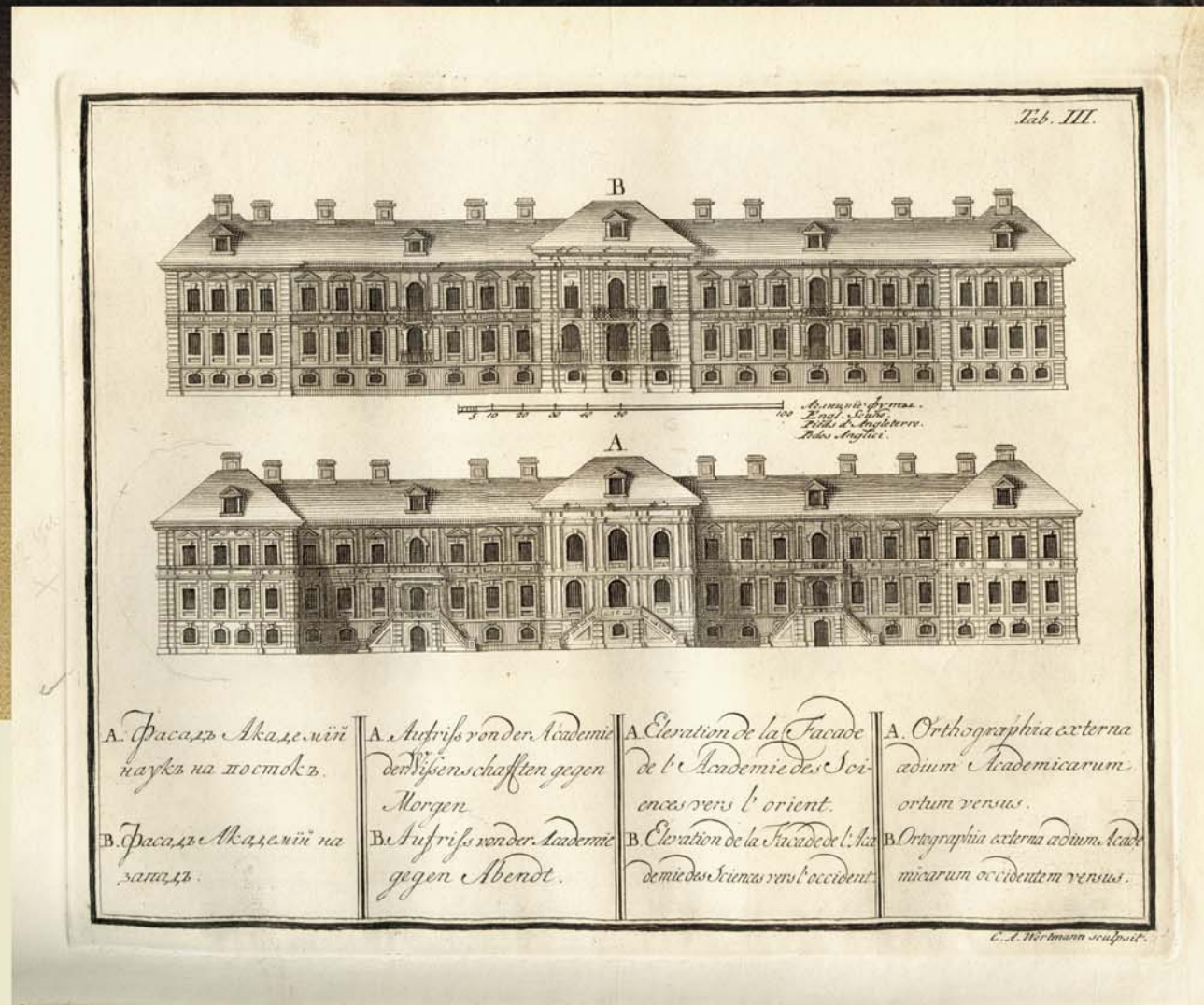
Представление в Канцелярию Академии наук о неудовлетворительном состоянии Обсерватории, Физической палаты и Ботанического сада Академии наук. 1764, до 4 марта. Черновой автограф. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 1, д. 2, л. 176–177 об.)

штемпелей и печаток, особенно на продажу; изготовлением математических инструментов не для внутренних нужд, а по сторонним заказам, опять же на продажу. В Академии художеств при Академии наук ткали парчу и плели кружево. А торговля заморскими книгами, по мнению Ломоносова, «делает Академию биржею», потому как «сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нареkanie и хлопоты тем, что всякий требует книг по своему желанию, которыми всем угодить невозможно».

«...чтобы Академия приобрела у нас в стране любовь и уважение»

Чтобы «пресечь» причины, повлекшие к упадку Академии, Ломоносов предлагал не допускать «властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали»; не допускать к академической власти тех иностранцев, в которых «к ученым россиянам недоброжелательство примечено» (там же, с. 62).

Предваряя свои предложения «к исправлению» Академии наук, он писал: «учреждение императорской Академии Наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к оному, должно положить в начале общие основания, на которых утвердить и расположить всю сего великого государственного и полезного учреждения систему, ибо без оных все должно быть зыблемо и к старому падению и разрушению склонно» (там же, с. 23).

Главное здание Академии наук, построенное на Васильевском острове, рядом с Кунсткамерой. Гравюра Хр. Вортмана из кн. «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, библиотеки и Кунсткамеры» (СПб., 1741). Российская национальная библиотека

Каковы же эти основания? Регламент должен быть «сочинен и расположен» таким образом, «чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен. Того ради не должно смотреть на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при нынешнем состоянии, ниже на поведения и поступки или обстоятельства» (там же, с. 14–15).

Академия не должна быть закрытым корпусом, она должна готовить ученых для всего государства.

При составлении регламента необходимо учитывать опыт европейских академий наук: «надобно иметь перед

глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих: тем, что в них есть хорошего и плодотворного, воспользоваться, а то, что не согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить» (там же, с. 116).

Ломоносов настаивал на установлении добрых отношений между членами Академии: «Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим – пристойное почтение, от по[д]чиненных к начальникам – законное послушание» (там же, с. 15). Такое отношение «помимо пользы для превосходного процветания наук, весьма важно и для того, чтобы Академия приобрела у нас в стране любовь и уважение» (там же, с. 116).

Все академические департаменты должны содержаться и развиваться в одинаковых условиях, «в противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неровное питание в членах производящей, имеет те части больше и тучнее,

которые в здравом состоянии должны быть равны или еще и меньше» (там же, с. 16).

Так как Академия создана для занятия науками «и в споспешествовании развитию их, то всячески надо остерегаться, как бы не присовокупилась дела, совсем не относящиеся к академической деятельности, и примешавшись не затемнили бы самой сущности науки, не задержали бы ее развития и не удушили бы ее вовсе» (там же, с. 116).

«Несли бы свои обязанности с бодрым духом»

Какие департаменты должны входить в Академию и какими их видел Ломоносов? Это прежде всего собственно Академия наук (Академическое собрание), Университет, Гимназия, Библиотека и Кунсткамера, Географический департамент и Механическая лаборатория, Астрономическая обсерватория, Анатомический театр, Химическая лаборатория, Ботанический сад, Физический кабинет. Все это «может и должно не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия» (там же, с. 118).

Академия Художеств с мастерскими, Типография, Книжная лавка, экспедиция Ведомостей, Переплетная мастерская должны быть отделены от научной корпорации. Ссылаясь на то, что в Петербурге в 1757 г. создана еще одна Академия художеств, он предлагает объединить две академии художеств в одну: «Великая польза произойдет для художеств, если обе Академии Художеств, прочно объединившись в одно целое, совместными усилиями примутся за свое дело. И это соответствовало бы наилучшим заграничным примерам» (там же).

Вся власть и управление в Академии должны сосредоточиться в Профессорском собрании под председательством президента Академии. В состав Академии должно входить достаточное число ученых. Ломоносов предлагает разделить академиков на три класса. В математический будут входить математик, астроном, географ и механик. В физический – физик, химик, анатом и ботаник. В исторический – историк, юрист, знаток древностей и знаток восточных языков.

Прежде принятия Регламента необходимо утвердить штат («стат») Академии. При этом совершенно необходимо, чтобы как в других коллегиях «профессоры, адъюнкты и все остальные низшие академические служащие были возведены в соответствующие чины, пользовались бы в государстве должным уважением и несли бы свои обязанности с бодрым духом».

То, что по старому Регламенту за академиками закрепили «и притом в качестве вечного чин капитана;

адъюнкты же и низшие служащие не имеют никаких чинов», имело следствием то, «что в публичных собраниях маститые и заслуженные профессора оказываются ниже не только коллежских ассессоров, но и ассессоров второстепенных канцелярий и в частном быту встречают с их стороны пренебрежительное отношение; а угнетенный этим дух не может свободно странствовать по святынищу муз и с легкостью извлекать на свет то, что служит к пользе и к просвещению смертных» (там же, с. 122).

«Честного поведения, прилежные и любопытные»

Ломоносов предлагал следующее распределение чинов по должностям и обязанностям (Ломоносов, т. 10, с. 93–133).

Президент управляет всем академическим корпусом по образу коллегий (министерств) и должен иметь чин не ниже генерал-майора. Вице-президент, должность которого предлагал ввести Ломоносов, – не ниже бригадира. Эта должность необходима потому, что президентами Академии в России являлись «вельможи и царедворцы, которые, сопровождая носителей верховной власти или занятые какими-либо другими обязанностями, не могли отдаваться целиком академическим делам», часто бывая «в отлучке».

Ломоносов считал, что вице-президентом должен быть один из старейших членов Академии, тот, кто «сведущ в разных науках и славен своими заслугами как в нашем отечестве, так и во всем ученом мире», но при этом не обязательно знатный человек. Известно, что должность вице-президента Ломоносов вполне заслуженно хотел занять сам и добивался этого, однако безрезультатно.

Двенадцать ординарных академиков, исполняющие обязанности академиков и профессоров Университета, должны иметь чин подполковника и по мере заслуг производиться в более высокие чины.

Интересны требования, которые Ломоносов предъявляет к ним: они должны быть «честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, в учении с ревностью. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры».

Желательно, чтобы академиками и адъюнктами были «природные россияне», при этом Ломоносов приводит в пример Парижскую академию, где академики – «при-

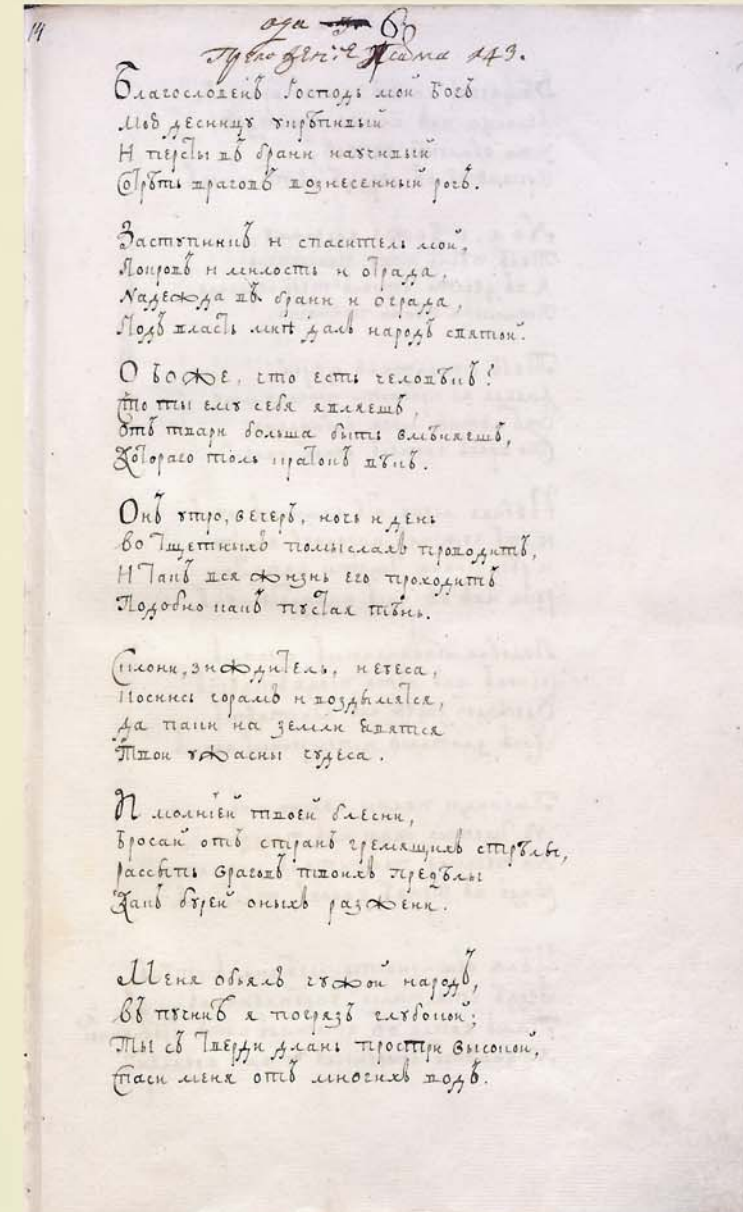
родные французы». «Честь российского народа требует, – писал Ломоносов, – чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний» (там же, с. 141). Пока же нет достаточного числа российских ученых, можно нанимать академиков из других стран, но «со всякою предосторожностью».

Экстраординарные академики и адъюнкты «производятся по свидетельству и избранием Академического собрания» и являются его членами.

Десять почетных членов Академии наук должны получать жалованье и помогать Академии открытиями и советами, по двое в Германии и во Франции и по одному в Англии, Италии, Испании или Португалии, Польше или Швеции, Голландии и Китае. Избираться все почетные члены должны баллотированием «из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты», и распределялись бы они по тем же трем классам, что и академики в Петербургской Академии, по каждой профессии не более двух человек. Привлекать же в Академию людей «только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей» нельзя, так как России требуются люди, «способные к приращению наук новыми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою» (там же, с. 150–151).

А вот корреспондентами могут быть избраны не только ученые, но и любители наук. И если почетными членами, особенно на академическое жалованье, следует принимать только иностранцев, то корреспондентами могут быть и россияне, «у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили».

Ведение всех, в том числе и финансовых дел Академии Ломоносов передавал Академическому собранию, которое должно проводить обыкновенные (дважды в неделю) публичные и чрезвычайные заседания. Он расписал структуру академических расходов: на астрономические инструменты, материалы для географических и физических работ, на химическую лабораторию, на Ботанический сад и гербарий, на Анатомический театр, на пополнение Библиотеки, на доплату за публичные лекции ординарным и экстраординарным академикам и адъюнктам, даже на дрова и свечи и на оплату 60 солдат, которые служили сторожами и рассыльными.

«Ода 6. Преложение псалма 143» М. В. Ломоносова была опубликована вместе с переложениями этого же псалма В. К. Тредиаковским и А. П. Сумароковым одним изданием «Три оды парафрастическия псалма 143, сочиненныя чрез трех стихотворцев, из которых каждой одну сложил особливо. СПб., 1744». Писарская копия с правкой Ломоносова. 1743 г. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 3, д. 45, л. 8)

Все имеющиеся в распоряжении современных исследователей документальные материалы свидетельствуют, что предложения к реформированию Академии наук были М. В. Ломоносовым буквально выстраданы. Наблюдая разрушение самих основ Академии, заложенных Петром I, он боролся за восстановление славного имени Академии всеми доступными ему средствами.

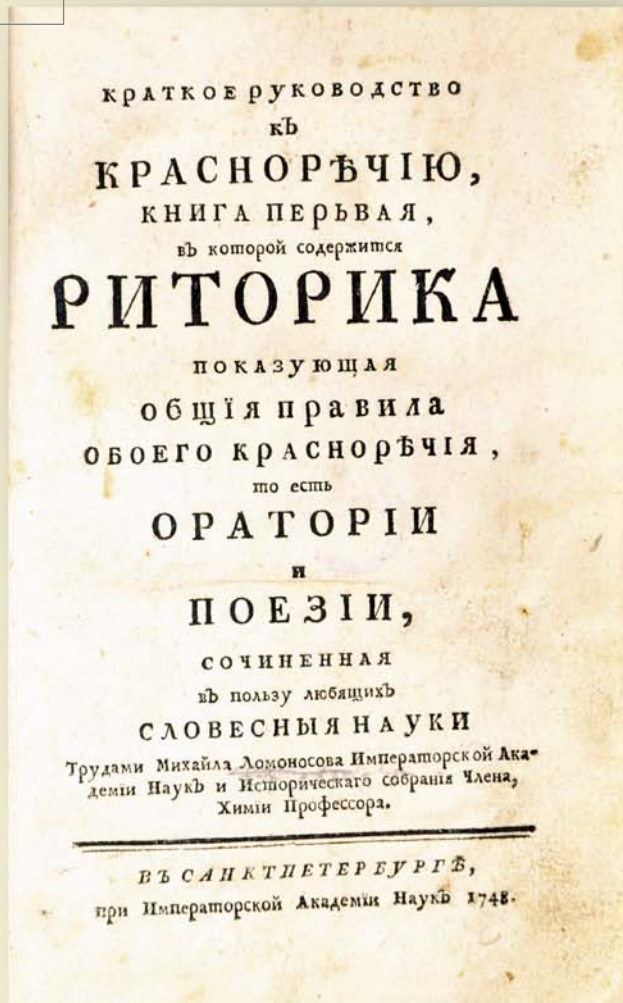
После смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Екатерины, 24 июля 1762 г. Ломоносов, оскорбленный постоянными унижениями, тем, что он был обойден повышением по службе, подает прошение об отставке. В этот же день он пишет письмо М. И. Воронцову с просьбой поддержать его просьбу об отставке и назначении ему пенсии: «Все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подаю челобитную его сиятельству Академии Наук г. президенту» (СПФ АРАН, ф. 20, оп. 3, д. 134, л. 21–22).

Прошение Ломоносова было принято 2 мая 1763 г., но через одиннадцать дней отменено. Ломоносову дали чин статского советника, повысили годовое жалованье. Но в самой Академии ничего не изменилось. В феврале–марте 1765 г., уже тяжелобольной, он набрасывает план беседы с Екатериной II, где пишет: «Multa tacui, multa pertuli, multa concessi – Много принял молча, многое снес, во многом уступил». И здесь же: «За то терплю, что стараюсь защитить труды П[етра] В[еликого], чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство».

На том же листе он начертил план дельты родной Северной Двины с ее притоками и островами. О чем думал Ломоносов, когда писал «Нет нигде места и в чужих краях»? Но, видно, еще оставалась вера в будущее: «Я не гужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют» (СПФ АРАН, ф. 20, оп. 1, д. 2, л. 204 об.).

Главная причина тяжелого положения Академии – непрофессиональное управление, «шумахерщина» – остались в Академии и после смерти ученого. Остались актуальными и все предложения первого российского академика о том, что Академия должна содержаться исключительно на казенный счет и не быть отягощена заботами и работой, направленной на получение «барышей», ведь это все отвлекает академиков от их истинных задач.

Ломоносов был уверен, что для развития науки в России и для просвещения Отечества необходимо воспитание собственных ученых, своих специалистов, своих образованных людей. Это – главный смысл заведения Академии наук. И тогда, мечтал Ломоносов,

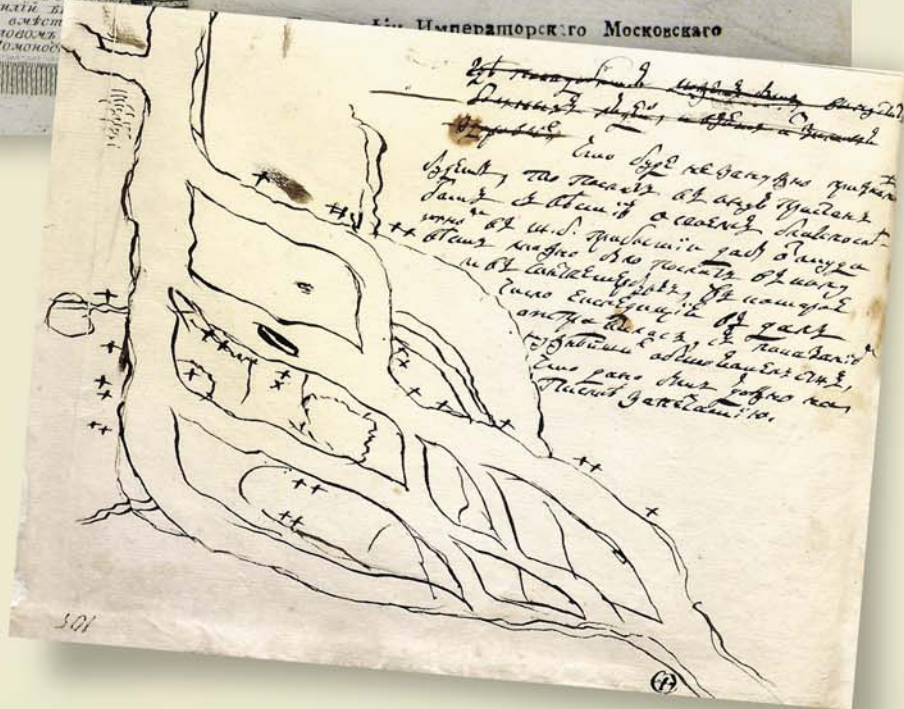

«расширенная и оснащенная... Академия наук будет таковою не только по названію, но и по знаменитым делам своим и по истинной пользе, приносимой государству, и приобретет заслуженную известность во всем мире во славу Российской империи».

Литература
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1.
Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л., 1962.
Биларский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / Сост. В. Л. Ченакал, Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. Под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского, В. Л. Ченакала. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР, Гл. ред.: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.
Материалы для истории Академии наук. СПб., 1879. Т. V.

Второе издание собрания сочинений в стихах и прозе М. В. Ломоносова. Типография Московского университета, 1778. Российская национальная библиотека

«Краткое руководство к красноречию» (1748) стало первым в России общедоступным руководством по риторике. До Ломоносова все работы, посвященные словесному искусству, выходили либо на латыни, либо на церковнославянском языке. Российская национальная библиотека

План дельты родной Северной Двины, сделанный М. В. Ломоносовым по памяти незадолго до смерти. Черновой автограф. СПФ АРАН (ф. 20, оп. 1, д. 2, л. 204 об.)

**МУЗЕЙ М. В. ЛОМОНОСОВА В МУЗЕЕ
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН**

Музей М. В. Ломоносова был создан распоряжением Президиума АН СССР от 8 мая 1947 г. Музей вошел в состав Института этнографии АН СССР не случайно. Здание Кунсткамеры – одно из первых академических зданий – неразрывно связано с деятельностью М. В. Ломоносова. Задачами нового Музея определялось «собрание и изучение материалов, относящихся к жизни и деятельности великого русского ученого». Для Музея М. В. Ломоносова в первые послевоенные годы была воссоздана башня здания Кунсткамеры по проекту архитектора Р. И. Каплан-Ингеля, ставшего первым директором Музея. Башня Кунсткамеры сгорела во время пожара 1747 г. и в течение 200 лет не восстанавливалась в своем историческом виде. В ходе работ по созданию Музея М. В. Ломоносова и восстановления Кунсткамеры из Германии был возвращен Большой академический (Готторпский) глобус, вывезенный фашистами из Царского села в 1942 г. Музей создавался как мемориальный и должен был показать жизнь и деятельность М. В. Ломоносова в тесной связи с развитием русской науки XVIII в. Одним из организаторов и создателей Музея стал президент

Первая Астрономическая обсерватория Академии наук в экспозиции Музея М. В. Ломоносова в МАЭ РАН

Академии наук СССР академик С. И. Вавилов, который возглавлял Комиссию по истории Академии наук (КИАН). Члены этой Комиссии впоследствии и стали одними из активнейших исследователей научного наследия М. В. Ломоносова. Для создания Музея М. В. Ломоносова специально созданной комиссией были предприняты усилия по разработке концепции его экспозиции и поиску экспонатов как в различных институтах и музеях, так и через антикварные магазины. Так как личных вещей ученого для наполнения экспозиции найти не представлялось возможным (к открытию Музея было всего 4 предмета), поиски были направлены на формирование музейного фонда предметами Ломоносовского времени: научными инструментами, бытовыми предметами, осветительными приборами, книгами. Из учреждений Академии наук получены: большое зажигательное стекло Чирнгаузена из Физического института, астрономическая труба и микроскоп из Оптического института; гравированные портреты Ломоносова и его современников, живописные портреты первых президентов Академии наук из ИРЛИ, документы и их копии из академического Архива.

Музей М. В. Ломоносова был торжественно открыт 5 января 1949 г. на заседании Президиума АН СССР, проходившем в реконструированном круглом зале Кунсткамеры. В эти же дни в Ленинграде проходила сессия Общего собрания АН СССР, посвященная истории отечественной науки и 200-летию постройки Академии наук химической лаборатории М. В. Ломоносова. В дальнейшем фонды Музея активно пополнялись. Прежде всего, нужно отметить те экспонаты, которые поступали по результатам археологической экспедиции, организованной историком техники В. В. Данилевским. Экспедиция работала в Усть-Рудице с 1949 по 1953 г. В ходе раскопок найдены остатки фундамента здания, бревна, битый кирпич, застывший раствор, куски штукатурки, тигли, реторты, горшки для плавки стекла, весы, железные наковаленки, обломки изразцов, осколки цветного стекла и, конечно, кусочки смальты. Многие из экспедиционных находок поступило в Музей М. В. Ломоносова. В 1953 г. Музей М. В. Ломоносова передали Институту истории естествознания и техники АН СССР, но в мае 1992 г. его вернули в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, как и было задумано его основателями.

Современный Музей М. В. Ломоносова состоит из трех залов. В круглом зале (3-й этаж башни) представлена экспозиция «М. В. Ломоносов и Академия наук XVIII в.» с кабинетами физики, химии, Ломоносовскими мозаиками и трудами ученого по русскому языку, русской истории. В центре зала стоит тот самый круглый академический стол, за которым заседали первые петербургские академики и который можно часто видеть в фильмах о Ломоносове или первых годах деятельности Академии наук в России. Экспозиции «Первая Астрономическая обсерватория XVIII в.» (4-й этаж башни) и «Большой Академический (Готторпский) глобус» (5-й этаж башни) дают не только яркое представление о великолепном оснащении первой петербургской обсерватории, но и напоминают о том, сколько сил вложил Ломоносов в борьбу за то, чтобы обсерватория эта работала и на ней могли вести наблюдения не только иностранные, но и русские астрономы. Образ русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова предстает в Музее во всем многообразии его универсального гения.

М. Ф. Хартанович,
Н. П. Копанева

**Большой академический
(Готторпский) глобус в экспозиции
Музея М. В. Ломоносова
в МАЭ РАН**

